

ПО ПОВОДУ РАБОТЫ ТУРЕЦКОГО ИСТОРИКА О ПРУТСКОМ ПОХОДЕ 1711 г.

Известный турецкий историк А. Н. Курат давно занимается изучением Прутского похода. Им опубликованы статья о Прутском походе и мире (еще в 1939 г.), монография о пребывании Карла XII в Турции, двухтомный труд по истории Прутского похода¹, а также ряд источников². В прошлом году западногерманский

¹ A. N. Kurat. Prutfälttaget och Prutfreden 1711 («Karolinska Törbundets Arsbok», Stockholm, 1939); Его же. Isvet Kirali Karl XII nin Türkijyede kalisi ve bu sirada Osmanli Imperatorlugu, Ankara, 1943; Его же. Prut seferi ve barisi 1123 (1711), Ankara, 1951—1953.

² A. N. Kurat, K. V. Zettersteen. Türkische Urkunden, Uppsala, Leipzig, 1938; A. N. Kurat. Poniatowski on the Prut Campaign («The Slavonic Review», vol.

«Ежегодник по истории Восточной Европы» поместил работу Курата «Прутский поход и мир 1711 г.», излагающую основные выводы его многолетних исследований³.

Учитывая, что история Прутского похода изучена еще недостаточно и содержит ряд спорных вопросов, эта работа представляет несомненный интерес. Курат привлек боль-

XXVI, № 66, November 1947); «The Despatches of Sir Robert Sutton, ambassador in Constantinople (1770—1714)», ed. by A. N. Kurat, London, 1953 (далее ссылки: Суттон); см. также приложение к кн. A. N. Kurat. Prut seferi ve barisi 1123 (1711).

³ Akdes Nimet Kurat. Der Prutfeldzug und der Prutfrieden von 1711. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Neue Folge, Bd. 10, Hft. 1, April 1962, S. 13—66.

шое количество источников, в том числе неопубликованные донесения саксонского посла в России Лосса, дневник участника похода турецкого писца Ахмеда бин Махмуда и др. Ему удалось осветить цели, которые ставили перед собой турки, начиная военные действия весной 1711 г.; выяснить, что решение вступить в мирные переговоры было принято на военном совете, а не единолично великим визирем; установить величину турецко-татарской армии, а также ряд других важных фактов. Но все же узость источниковедческой базы работы Курата (он не привлек русских архивных материалов и некоторых опубликованных источников) и отсутствие критического анализа источников не дали историку возможности воссоздать полную картину событий; сам автор вынужден признать в конце статьи, что «многое остается еще неразъясненным».

Рассмотрим содержание работы Курата, внося некоторые необходимые уточнения в его выводы.

Курат указывает, что турки, начиная военные действия, ставили своей целью возвращение Азова, разрушение крепостей на Днепре, а также стремились добиться от России обязательств не вмешиваться в дела Польши и не препятствовать возвращению Карла XII в Швецию. Однако в некоторых источниках говорится и о том, что турки согласились бы заключить мир до начала военных действий, даже не требуя возвращения Азова⁴. С другой стороны, в неизвестных Курату записках участника похода бригадира Моро де Бразе, графа Лионского, сообщается, что в конце 1710 г. турки требовали от России, кроме указанных Куратом уступок, еще следующие: признать королем Польши шведского ставленника Лешинского и заключить с ним и с Карлом XII союз против Августа II; возвратить шведам всю Лифляндию и все земли, завоеванные русскими в Прибалтике, а Петербург разорить; возвратить запорожским казакам их прежние вольности; возместить все, что было потеряно Карлом XII в Полтавском сражении; отвести военноморской флот к Воронежу⁵.

Чем же объясняется, что турки впоследствии отказались от защиты интересов Карла XII? В работе Курата этот вопрос не ставится. Попытаемся вкратце на него ответить.

⁴ Суттон, стр. 63; «Aubry de La Motraye's travels through Europe, Asia and into part of Africa», London, 1723, vol. 2, p. 5 (далее: Ла Мотрей. Путешествия); «Письма и бумаги имп. Петра Великого (Далее: «П. и Б.»), т. XI, вып. I, М., 1962, стр. 577.

⁵ См. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 тт., М.—Л., 1949, т. VIII, стр. 396—470 (далее: Моро), а также «П. и Б.», т. X, 1956, стр. 769, со ссылкой на Моро. Косвенным подтверждением сообщения Моро является совпадение этих требований с предполагаемыми условиями турок, указанными в секретной инструкции Петра I русскому уполномоченному на Пруте П. П. Шафирову («П. и Б.»), т. XI, вып. I, № 4564, стр. 313; видимо, Петр I предполагал, что турки выдвинут при переговорах именно эти требования.

Начиная войну, турецкое правительство рассчитывало на помощь Карла XII, в частности на то, что шведский корпус, находившийся в Померании, примет активное участие в войне. Но надежды турок не сбылись. Как писал впоследствии участник похода, саксонский генерал на русской службе Аларт, «Станиславу (Лешинскому.—Я. В.) с шведскими войсками из Померании в Польшу выход был возбранен, в чем они (турки.—Я. В.) на короля шведского немалую досаду возымели»⁶. В письме Л. К. Барки Г. И. Головкину от 3 июля 1711 г. сообщалось, что «султан... ни в чем не доверяет шведам... турки zelo удивляются, что швецкое войско умедлило вступить в Польшу до сей поры, ибо обещано было... к июню»⁷. Начало военных действий сопровождалось восстаниями покоренных народов против турецкого ига. Барка сообщал о восстании в Египте: «учинили бунт между беями и мешанами и с обеих сторон многие побиты»⁸. Его сообщение подтверждает австрийский посол в Турции М. Тальман⁹. В июне 1711 г. началось восстание на Балканах, где турки потеряли несколько поражений¹⁰. Отмечая смятение турок, Аларт писал: «И повелено у всех христиан, обретающихся в турецких державах, всякое ружье обобрать, кроме одного ножа»¹¹. Турция оказалась неподготовленной и в военном отношении. Барка сообщал, что турецкая армия не имеет опытных военачальников, недисциплинирована и «на войну без сердца идет»¹². Он же писал, что в турецких отрядах, пришедших из Малой Азии, «народ плох, ободран, без ружья»¹³. Для поднятия духа турецких солдат великий визирь вынужден был объявить, что получи-

⁶ ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 13, л. 93 об.

⁷ «П. и Б.», т. XI, вып. I, стр. 569—570. О недовольстве турок Карлом XII см. также письмо А. А. Вейде к А. Д. Меншикову (А. З. Мышляевский. Война с Турцией 1711 г. (Прутская операция), СПб., 1898, стр. 330—331). Генерал С. Понятовский, который участвовал в походе в качестве представителя Карла XII и военного советника турок, сообщает, что визирь был обижен отказом Карла XII принять участие в походе. См. «Remarques de m. le Comte Poniatowski, seigneur polonais, lieutenant-général ci-devant au service de Suède et actuellement au service de Pologne, sur l'Histoire de Charles XII, roi de Suède, par m. de Voltaire. 1741, p. 97 (далее: Понятовский).

⁸ ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, 1711, № 13, лл. 26—32.

⁹ «Documente privitoare de la istoria Românilor. Culese de... E. Hurmuzaki», vol. VI, Bucuresci, 1878, p. 647 (далее: Хурмузак).

¹⁰ С. Богоявленский. Из русско-сербских отношений при Петре I. «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 34.

¹¹ ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 13, л. 93.

¹² «П. и Б.», т. XI, вып. I, стр. 570. О неспособности турецких военачальников пишет и Курат. Аларт вспоминал впоследствии, что «видно было, аки бы турки большой охоты к войне не имели и весьма под злым страхом и сумнением находились» (ЦГАДА, ф. 9, отд. I, кн. 13, лл. 93 и об.).

¹³ «П. и Б.», т. XI, вып. I, стр. 570.

ние ран, взятие пленных и головы убитых врагов будут оплачиваться по особой таксе¹⁴.

Отсутствие помощи со стороны шведов, ненадежность тыла и неподготовленность к войне — вот причины того, что к началу кампании от готовности турок сражаться за интересы Карла XII ничего не осталось. Да и вообще воинственность турецкого правительства сильно понизилась. «Визирь и другие военачальники, включая янычар, — сообщал Суттон в донесении от 29 мая 1711 г., — нехотя идут на войну. Сам султан не хочет ее, а большинство народа открыто выражает опасение и недовольство»¹⁵.

Источники дают основание предположить, что турецкое правительство было склонно заключить мир до начала военных действий. Об этом сообщают русская реляция о Прусском походе и участник похода молдавский гетман И. Некулче¹⁶. В письме Л. К. Барки С. Л. Рагузинскому от 19 ноября 1711 г. тоже говорится, что «прежде баталии у визиря была комиссия, дабы мог с царским величеством мир постановить»¹⁷. В рассматриваемой работе вопрос об этом не поднимается, а в своей монографии Курат отмечает, что сообщение Некулче неверно¹⁸.

Говоря о встрече русской и турецкой армий, Курат выражает несогласие с отрицательной оценкой, которую Петр I дал действиям начальника русского авангарда генерала Януса фон Эбершtedта. Последний имел приказ помешать переправе турок через Прут, даже если бы пришлось атаковать конным отрядом предместные укрепления. Отход Януса, не выполнившего приказа Петра I, поставил русскую армию в тяжелое положение: она была атакована на марше. По мнению Курата, приказ был нереален, так как небольшой отряд Януса не мог бы предотвратить переправу огромной турецкой армии. Но Курат не заметил явного противоречия в источниках, попавшего и в его статью: согласно донесению Януса, последний обнаружил днем 7 июля уже готовые мосты и переправляющихся турок (часть которых уже переправилась), а по турецким источникам (и согласно Понятовскому и Тальману) первый мост через Прут был построен к утру 8 июля и первые отряды турок переправились только утром 8 июля. Таким образом, возникает три вопроса: чем руководствовался Петр I, отдавая свой «нереальный» приказ; чем руковод-

ствовался Янус, не выполнив его; и чем объяснить противоречие в источниках.

Реальность приказа Петра I доказывается действиями другого конного отряда, которым командовал генерал Ренне. Отряд Ренне 14 июля 1711 г. взял не предместное укрепление, а турецкую крепость Браилу на Дунае¹⁹. Отдавая приказ, Петр I рассчитывал, что Янус задержит переправу, и это был реальный расчет. «Великий визирь, — пишет Понятовский, — никогда не вышедший войск и по натуре большой трус, был уверен, что погибнет, если враги атакуют его»²⁰. Однако Янус считал приказ Петра I противоречивым военной науке. Об этом сообщает Моро де Бразе, который присутствовал при вручении приказа: «Генерал и я не без смеха видели, что употреблены были драгуны и кавалерия на атаку укрепленных мостов». Обнаружив предместное укрепление, Янус не решился атаковать его²¹. Но это были ложные мосты, навешенные турками, чтобы выяснить намерения русского командования²². Можно с уверенностью предположить, что если бы Янус атаковал, то турки не решились бы на переправу. Отход Януса ободрил их, и турецкая конница и татары бросились преследовать его отряд. Несмотря на требования пашей, великий визирь все же не решился послать вдогонку пехоту и артиллерию. Они переправились только 9 июля.

Таким образом, Петр I имел все основания сказать, что «тогда еще турки не перешли, но на той стороне были, и конечно б мог оной Янус их задержать, ежели б сделал так, [как] доброму человеку надлежит»²³.

Описав сражение 9 июля, когда четыре атаки янычар на русский лагерь были отбиты с большим уроном для турок, Курат почти совершенно умалчивает о том впечатлении, которое произвела на турок неудача сражения. Он лишь приводит высказывание одного современника о том, что неуспех сражения заставил турецких саванников «задуматься». Но это умолчание затушевывает решающую причину согласия турок на переговоры. Источники сохранили для нас яркие и недвусмысленные сообщения современников о реакции турок на результат сражения. Так, Понятовский писал, что когда была отбита вторая атака янычар, наместник визиря сказал ему, что он ожидает поражения турок²⁴. По дан-

¹⁴ Хурмузаки, стр. 115.

¹⁵ Суттон, стр. 48 («П. и Б.», т. XI, вып. 1, стр. 569).

¹⁶ «Ведомости времени Петра Великого», М., 1906, вып. 2, стр. 113 («П. и Б.», т. XI, вып. 1, стр. 570); Н. Г. Петр Великий на берегах Прута (ЖМНП, 1847, январь, отд. 2, стр. 72). О том, что визирь имел приказ султана заключить мир, говорится в разных источниках. См. «П. и Б.», т. XI, вып. 1, стр. 570; Моро, стр. 464; Суттон, стр. 54.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, 1711, № 13, л. 40об.

¹⁸ A. N. Kurat. Prut seferi ve barisi 1123 (1711), с. 1, s. 390.

¹⁹ «П. и Б.», т. XI, вып. 1, стр. 588.

²⁰ Понятовский, стр. 98. См. также Суттон, стр. 75 и Хурмузаки, стр. 84 («П. и Б.», т. XI, вып. 1, стр. 570). Петр I знал об этих настроениях турок («П. и Б.», т. XI, вып. 1, стр. 216, № 4429; стр. 30б, № 4544).

²¹ Моро, стр. 438, 440.

²² Суттон, стр. 65; В. Тейльс. Известия, служащие к истории Карла XII..., М., 1789, стр. 19; ЦГАДА, ф. 50, оп. 1, 1711, № 4, лл. 279—280об.; «П. и Б.», т. XI, вып. 1, стр. 564.

²³ «П. и Б.», т. XI, стр. 1, 564.

²⁴ Понятовский, стр. 103—105 («П. и Б.», т. XI, вып. 1, стр. 567).

ным Суттона, для этого были веские основания. «Замешательство и расстройство турок были так велики,—сообщал он в Лондон,—что можно наверняка полагать, что если бы русские контратаковали их, они бежали бы без всякого сопротивления»²⁵. В неизвестном Курату письме Барки от 5 декабря 1711 г. говорилось, что бывший начальник янычар в Прутском походе заявил султану: «Когда был у них бой с пехотою при реке Пруте, то уже турки задние почали было утекать и ежели бы москвилы из лагеру выступили, то бы и пушки и амуницию турки покинули»²⁶. Впечатление, произведенное на турок обороной русских, было настолько сильным, что они, как сообщает Курат, не поверили первому письму Б. П. Шереметева с предложением вступить в переговоры и сочли это военной хитростью.

Решительное возражение вызывает повторение Куратом сообщений иностранцев о том, что в русском лагере якобы царил паника. Характерно, что подобные сообщения исходят от лиц, заинтересованных в том, чтобы подчеркнуть свою храбрость. А вот молдавский гетман Некулче, находившийся в русском лагере, сообщает, что русские солдаты не только сами держались храбро, но еще ободряли молдаван, говоря, что при Полтаве сражались против более сильного врага и победили²⁷. В неизвестном Курату Статейном списке посольства П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева отмечено, что русские солдаты «великой кураж имели»²⁸. Храбро вели себя и офицеры. Генерал Аларт писал впоследствии, что «на сей акции во всех случаях российской генералитет великую храбрость и мужество показали»²⁹.

Переходим к вопросу о том, как происходили переговоры. Хотя Курат и утверждает, что «точно неизвестно, как и где был принят Шафиров турками, и каким образом было достигнуто соглашение» (стр. 49), он все же попытался выяснить ход переговоров. При этом он почему-то взял не показания очевидцев (Понятовского и Ла Мотрея), а позднейшее донесение секретаря австрийского посольства в Турции М. Флейшмана (от 14 сентября 1711 г.), и нарисовал неверную картину.

Согласно сведениям Флейшмана, визирь потребовал от Шафирова полной капитуляции армии, на что Шафиров ответил отказом. Тогда визирь предъявил другие условия. Курат перечисляет эти условия, почему-то называя их «первыми». Среди них упоминаются требования, которые, как мы покажем ниже, никогда не выдвигались; об уплате ежегодной дани крымскому хану, о передаче туркам русских кораблей на Азовском море и о том, чтобы фельдмаршал Б. П. Шереметев был заложником в Турции.

²⁵ Суттон, стр. 66—76; «П. и Б.», стр. 568.

²⁶ «П. и Б.», стр. 568.

²⁷ ЖМНП, 1847, февраль, отд. 2, стр. 98—99.

²⁸ «П. и Б.», стр. 569.

²⁹ ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, кн. 13, л. 99об.

Попытаемся восстановить ход переговоров, используя рассказы очевидцев и неизвестные Курату источники.

Понятовский излагает условия турок кратко³⁰. В нашем распоряжении имеется недавно найденная запись этих условий, сделанная, вероятно, по приказу Шафирова для ознакомления с ними Петра I. Она подтверждает правильность изложения Понятовского. Вот этот документ:

«Азов со всеми принадлежащими крепостями как прежде отдан был. Таганрог, Каменной Затон и на устье Самары новая фортеция совсем бы разорены были. И впредь казаков и запорожцов и поляков не беспокоивать. И все места, которые прежде надлежали Порте, уступить. Господаря волоцкого и Саву (С. Л. Владислава-Рагузинского.—Я. В.), яко подданных-изменников, дабы отдать, чтоб впредь наша дружба ненарушима была. Трибут, что Волоская земля платит на один год, и дондеже та Волоская земля в прежнее состояние придет, чтоб те денги так же на три года даны были. И, окроме купцов, никакого б посла в Цареграде не было. И вся амуниция и пушки нам отданы б были. И понеже король швецкой пришел под покров Пресветлые Порты, и того ради чтоб с обеих сторон для дружбы Порты Оттоманской никакой недружбы не было. И впредь как нашим подданным от... никакой убыток и противность не чинен... И ежели учинитца под вышереченными кондиции, везирь будет просить салтанова величества, дабы те неприятельские поступки забвению предать. И по вышереченной мере дабы были гарантирами агличаня и галанцы. И тогда со обеих сторон дадутца два экземпляры». Документ имеет помету: «Первыя с турецкой стороны под Прутом требования, кои не состоялись»³¹.

В Статейном списке посольства записано, что Шафиров, выслушав визиря, заявил, что «на таких кондициях господин фельдмаршал миру отнюдь не учинит»³². Понятовский рассказывает, что Шафиров категорически отверг требование турок о выдаче Д. Кантемира и С. Рагузинского, а также о возмещении неполученных доходов с Молдавии; что касается выдачи артиллерии, он предложил отдать соответствующее число пушек из Каменного Затона³³. «И по многим де спорам везирским,—говорится в Статейном списке посольства,—те кондиции везирь склонился отставить»³⁴.

³⁰ Понятовский, стр. 117—123 («П. и Б.», т. XI, вып. 1, стр. 577, 582—583).

³¹ ЦГАДА, ф. 89, оп. 3, 1711, № 17, л. 12 и об. Документ публикуется впервые. Отточия означают, что в первом случае слово не удалось разобрать; во втором оно утрачено в документе. Помета—на л. 14об. В Статейном списке эти условия отсутствуют, но имеется помета: «тут писать кондиции везирские» («П. и Б.», т. XI, вып. 1, стр. 580).

³² «П. и Б.», т. XI, вып. 1, стр. 580.

³³ Понятовский, стр. 117—123 («П. и Б.», т. XI, вып. 1, стр. 582—583).

³⁴ «П. и Б.», т. XI, вып. 1, стр. 580.

Но Шафирову пришлось согласиться еще на одно требование турок: чтобы он сам и сын фельдмаршала Б. П. Шереметева полковник М. Б. Шереметев поехали в Стамбул в качестве послов и оставались там до окончательного выполнения условий мирного договора³⁵. На этом и была достигнута договоренность. Усилия Понятовского помешать переговорам (вплоть до попытки взбунтовать янычар) остались безуспешными. 11 июля Шафиров поехал в русский лагерь, получил согласие Петра I, и в тот же день вернулся к визирю. На следующий день, 12 июля, в полдень мирный договор был подписан обеими сторонами.

Теперь рассмотрим версию о «подкупе» визиря. Обычай одаривать подарками за «склонность» был широко распространен как на Востоке, так и в Европе. Размеры подарков зависели от положения лиц и важности событий. Вопрос заключается в том, правомерно ли объяснять согласие турок вступить в мирные переговоры и отсутствие в договоре условий в пользу Швеции исключительно или главным образом «калчностью» визиря и его фаворитов.

Курат, по-видимому, склоняется к поддержке версии о подкупе, хотя прямо этого не говорит. Но он отмечает, что подкуп оказал влияние на приближенных визиря, а в конце статьи выражает свое согласие с немецким историком Юберсбергером, который утверждал, что турки упустили благоприятнейший момент из-за своего корыстолюбия. Однако факты, приведенные самим же Куратом, опровергают эту версию. Курат установил, что турки, начиная военные действия весной 1711 г., преследовали собственные интересы, а не защиту интересов Швеции. Он выяснил, что решение вступить в переговоры и условия мира были приняты не единолично великим визирем, а на совете еще до приезда Шафирова. Но Курат не сделал из этого напрашивающегося вывода о том, что подкуп не мог, следовательно, играть решающую роль. Но, может быть, подкуп был причиной того, что визирь не уступил настояниям Понятовского? Нет, такое предположение неосновательно. Во-первых, как пишет Понятовский, визирь заявил ему, что султан не приказывал требовать уступок в пользу Швеции. Приведенные выше сведения Курата о целях турок подтверждают слова визиря. Во-вторых, неудача атак 9 июля показала туркам опасность нового сражения (вспомним, что они сначала даже не поверили предложению вступить в переговоры). Некоторые современники-европейцы высказывали мнение, что визирь должен был взять в плен царя, который был бы самым лучшим заложником. Но оно было следствием непонимания турецких обычаев. Как разъяснил Вольтеру Ла Мотрей, турки считали, что если царь попадает в плен, то заключенный им договор не будет обязательным для его преемника³⁶.

В «Записках» Моро де Бразе приведен ответ одного турецкого паши, на вопрос о причинах заключения мира. Паша заявил, «что твердость наша их изумила; что они не думали найти в нас столь ужасных противников, что... они видели, что жизнь наша дорого будет им стоить, и решились... принять наше предложение о перемирии, дабы нас удалить... что артиллерия наша истребила и изувечила множество из их единоземцев... что они поступили благоразумно, заключив мир на условиях, почетных для султана и выгодных для его народа»³⁷. У нас нет оснований сомневаться в искренности этого заявления. По словам Ла Мотрея, визирь признал, что он «получил от царя больше, чем ожидал или требовал султан»³⁸. Уступчивость же турок в отношении второстепенных требований объясняется, вероятно, тем, что главным для них было вернуть Азов.

С версией о подкупе тесно связана еще одна загадка, решить которую Курат также не смог.

В исторической литературе до сих пор имеет хождение легенда о выдающейся роли в событиях на Пруте Екатерины, которая якобы пожертвовала своими драгоценностями для подкупа великого визиря. Легенда рассказывается в различных вариантах: Екатерина созвала военный совет, на котором было принято решение вступить в переговоры с турками (вариант — только присутствовала на нем); поручила Шафирову поставить вопрос о предложении вступить в переговоры (или только поддержала его); внесла предложение подкупить великого визиря, послав ему свои драгоценности; уговорила Петра I послать туркам письмо. В статье Курат повторяет легенду, цитируя мемуары Брюса. Но, во-первых, подлинность мемуаров Брюса еще в середине прошлого века не без основания была взята под сомнение Н. Г. Устряловым³⁹; во-вторых, имеется сообщение Ла Мотрея, который «слышал от разных русских офицеров... что у г-жи Екатерины... было очень немного драгоценностей и что она не собирала никаких денег для визиря»⁴⁰.

Анализ источников позволяет выяснить, как сложилась эта легенда. Она состоит из трех основных компонентов: Екатерина присутствует на военном совете (а Петр, видимо, отсутствует); Екатерина собирает драгоценности и посылает их визирю; визирь подкуплен. Посмотрим, как они возникли.

Первый компонент легенды создан шведами. Ла Мотрей сообщает, что 10 июля 1711 г. после объявления перемирия из русского лагеря к туркам перебежало несколько шведов, поступивших на русскую службу после Полтавской битвы. Перебежчики рассказали, будто утром Петр I в растерянности заперся в своей палатке и запретил в нее входить. Генералы собрались на

³⁷ Моро, стр. 461—462.

³⁸ Ла Мотрей, Путешествия, т. 2, стр. 13.

³⁹ Н. Г. Устрялов, История царствования Петра Великого, т. I, СПб., 1858.

⁴⁰ Ла Мотрей. Замечания, стр. 43—44.

³⁵ Там же.

³⁶ A de la Motraye. Remarques historiques et critiques sur l'Histoire de Charles XII, roi de Suède, par n. de Voltaire Londres, 1732, p. 45.

военный совет, на котором Шафиров предложил вступить в мирные переговоры с турками. Предложение было принято, и Екатерину попросили сообщить об этом Петру, так как никто больше не рисковал нарушить его приказание. Выслушав Екатерину, Петр согласился и приказал Б. П. Шереметеву написать визирию⁴¹. Рассказ шведов является выдумкой. Цель ее, по видимому, заключалась в попытке убедить великого визиря в безнадежности положения русской армии и растерянности Петра I и побудить турок предьявить более тяжелые условия мира и проявить неуступчивость при переговорах.

О том, что на самом деле происходило в русском лагере, рассказали русские офицеры, сопровождавшие в Стамбул русское посольство, которых Ла Мотрей познакомил с верней шведов: «Русские офицеры,— пишет Ла Мотрей,— в этот день находились вблизи царя... Обычно царь исполнял обязанности генерал-лейтенанта, но, увидев, что положение осложнилось, взял в свои руки всю полноту власти и созвал генералов на военный совет, на котором сам председательствовал. Военный совет постановил, что фельдмаршал Шереметев напишет великому визирю и предложит ему приемлемые условия мира»⁴². Рассказ русских офицеров подтверждается сообщением Моро де Бразе, который был очевидцем того, как происходил этот совет: Петр I пригласил в свою палатку Б. П. Шереметева и генералов Януса и Остена. После «долгого тайного совещания» они подошли к карете, в которой находился раненый генерал Аларт. Затем трубач был отправлен в турецкий лагерь с письмом Шереметева⁴³.

Второй компонент легенды также не соответствует действительности. Датский посол в России в 1711 г. Юст Юль рассказывает в своих «Записках», что во время сражения на Пруте Екатерина раздала свои драгоценности приближенным, а после заключения мира отобрала их обратно. Издатель «Записок» на русском языке Ю. Н. Щербачев правильно предположил, что этот факт «послужил основанием известному рассказу о том, будто Екатерина отдала свои драгоценности и лично собирала у солдат деньги, чтобы подкупить верховного визиря»⁴⁴. Юль мог узнать об этом от немецких офицеров, например от Аларта, чей дневник он поместил в своих «Записках». А так как многие иностранные офицеры были уволены после похода, рассказ мог получить известность в Европе в том же 1711 г.

⁴¹ Ла Мотрей. Путешествия, т. 2, стр. 11.

⁴² Там же, стр. 11—12.

⁴³ Моро, стр. 451—452.

⁴⁴ «Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711)», М., 1900, стр. 373.

Версия о подкупе визиря — третий компонент — вышла из окружения Карла XII осенью 1711 г.⁴⁵, а в печати появилась впервые в «Записках» Моро де Бразе в 1716 г.

Затем началось литературное оформление легенды. В биография Петра I, написанной немецким писателем Рабеном и напечатанной в 1725 г., легенда о Екатерине передается еще только как слух: «Рассказывают,— пишет Рабнер,— что еще до заключения перемирия визирь получил все наличные деньги офицеров и драгоценности их жен... Даже сама царица в такой тяжелой нужде не пожалела, вопреки обычаю ее пола, своих лучших украшений»⁴⁶. А в книге о Петре I, изданной в 1726 г., и в анонимной биографии Екатерины I, появившейся в 1728 г., литературно приукрашенная легенда приводится как достоверное событие⁴⁷. Отсюда ее и заимствовали Вольтер и другие писатели XVIII века.

Сравнивая тексты Прутского мирного договора на турецком и русском языках, Курат отметил существенные расхождения. Сейчас этот вопрос выяснен. Установлено, что Петр I «отредактировал» текст договора, предназначавшийся для опубликования в Европе⁴⁸. Этот-то измененный текст был напечатан в «Полном собрании законов», откуда его и взял Курат⁴⁹.

В статье имеются фактические ошибки. Так, упоминавшиеся мемуары Брюса о Прутском походе Курат приписывает генералу Брюсу, в то время как их автор П.-Г. Брюс называет себя его родственником. На Пруте был убит не генерал Вейде, как полагает Курат, а генерал Видман и т. д.

Подведем итоги. Ценность работы Курата заключается во введении в научный оборот новых сведений из неизвестных ранее или недоступных читателю источников. В целом же попытку осветить историю Прутского похода едва ли можно признать удачной. Она могла принести успех только при условии глубокого и всестороннего анализа источников и непредвзятого истолкования фактов.

Я. Е. Водарский

⁴⁵ В. Тейльс. Указ. соч., стр. 25—26.

⁴⁶ J. G. Rabener. *Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Russlands*, Leipzig, 1725, S.

⁴⁷ «Mémoires du règne de Pierre le Grand...», par m. le b. Iwan Nestesuranoi. A la Haye, Amsterdam, 1726, vol. 3, p. 362; «Mémoires du règne de Catherine, impératrice...», A la Haye, 1728, p. 29—32. Напомним, что Екатерина царствовала в 1725—1727 гг., а Руссе де Мисси был литературным агентом русского правительства.

⁴⁸ «П. и Б.», т. XI, вып. 1, № 4577, стр. 324—326.

⁴⁹ Текст подлинного договора был опубликован А. З. Мышлаевским (указ. соч., стр. 267—268).